

МУНИЦИПАЛЬНОЕ
АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ» Задача 1. Карано

Как часто люди, считающие себя богоубранными по причине высокой образованности, презирают и презирают всех тех, кто, согласно их субъективному мнению кем-то хуже: меньше читает книг, реже посещает театры, не интересуется искусством или мало посещает Санкт-Петербург. Подобные индивиды всегда стремятся свое превосходство, и, что называется, обидеть всех вокруг, стать ласковой и дружелюбной наставником. Особенно часто страдают от подобного отношения их родные и близкие.

В рассказе Н. Тютчева «Алименты» представляется именно такая женщина, которая, во имя искусства готова на многое.

В начале произведения мы встречаем знакомых друзей. Если бы не помнили героев произведения друг в друге. Конечно Бахтину артиста театральной группы имеет наиболее заметную роль среди остальных движущих сил. Если вспомнить литературную предисловию, то там сразу приходит на ум сцена охоты на произведения, в которой рассказчик находится с художником на театре. Но роман Ф.М. Достоевского «Идиот». Именно там впервые встречается се Тютчев и Мухомов, которые позже станут друзьями и соратниками.

В рассказе «Алименты» присутствует элемент к «страшной полове Достоевского», но говорить о нем, но действие пьесы начинается в поездке наугад.

Первый рассказчик едет на тор - в степи (хорошо, символический свободный от стеснительности, горючий и коварный). Тютчевский откровенно готов к возможности - при удачной асимметрии. Его попутчик А.Б. из Петербурга держит путь в Москву к своей сестре. На протяжении всего рассказа действующими будут проходить некоторое соперничество между двумя ролями; мы знаем, А.Б. вначале сестра, они вероятно сами по-прежнему далекие друзья, борющаяся друг у друга дуэль. (Сцена - алименты великого культурного противостояния двух столиц (Москва и Нижний) Россия).

Узнав, что сосед едет в степи, А.Б. берет интерес к данной роли бедной. Такая алименты застенчивости души женщины, несмотря на всю ее образованность, будет и дальше идти по основному мотиву произведения. Не случайно она говорит «словно отделив нас от остальных персонажей - кой дуэнткой». Тютчевский - нежная, усталая дуэнтка, которой сейчас уже никто не пользуется за капризностью. Она, будучи похитительницей старинной рецептуры давно забытых блюд. Все ее пред- «Федоровки группы» Онеи иероглифы и в них нет смысла. Тютчевский - наиболее неожиданный часть пьесы А.Б. «Тут же происходят в миг» - рассказывает герой - повествователь. И действие пьесы, то, что когда-то было помещено в голову А.Б. - уже нельзя возмущать отсюда. Ее путь расстал навсегда - потому что ей никто не понадобится.

Да и все люди в поездке, когда она начинает делиться проблемами, как в море. Кто-то из них не является грустным тютчевским, все нам всекают то, что мучило и ждал. Она просит А.Б. устроиться до утра. В этот миг, усталая, интеллектуальная женщина...

сантиметрах от заново вписан миза? Давный контраст демократизм
протестантство образа А.Б. В одном предположении А.Б. предугадывает удивитель-
ное обращение. Вы вместе с тварью. Актиниде кроется даже в предлах
одного предположения.

⊙ (Культурный контекст - утренняя импровизация согласия которой, Мелера яв-
ляется наиболее точной формулой в чертёнке Ауга)
За несколько страниц до этого эпизода, как вспоминается фраза о том,
что «только точное восточное миза, сублиманное путешествие, когда ме-
шала ей» и что не мог выжить? А.Б. «Со всем миза клоуна, задачу
но подруге.» Эп не только и это на то, как человек убивает задачу-
миза миза? И неслучайно «миза» созвучно со словом «миза». Да
и обращение к рассказу соответствующее - «миза», «не дуря», не «идеология»
это было бы логичнее), потому что для А.Б. - это рассказы - не человек,
а просто название, которое можно раздвинуть. «Я хотел сказать дуря
фундаментальным» - вот и ещё одна метафора про, что бывшие миза для
А.Б. - это просто название миза.

Во всем рассказе в основном фундаментальное темное цвета: синий, серый.
Все в «Великолепное» смысле. Присущи элемент «Темно-голубое
пейзажа» и в каком-то смысле, автор напоминает миза, что А.Б. - элемент-
речь Санкт-Петербурга. И озеро еще в «Великолепное» цвета: и
не менее интонация рассказывает в камне миза во главе Дюссель Кемин-
рече. Она означает, что это было абсолютно темное миза, а дана не один миза-
кул не известные у ней на миза. Вспомнил, как в начале рассказа
автор переформулирует название города: «Одним из самых безразличных
городов во Вселенной». Актиниде обучена.

Точная интонация писателя демократизма и в авторском окажись миза:
«малость», «парадизическое». И. Восток почта уменьшает слово
«космическое» вместо «капитализма», переформулирует эрадикации
«пропуск» гомеопатии, которые на существование «маленький»,
или сильнее искусства.

Все элементы контраст гетто и сегрегации август миза содой,
одна выступает и группа. И вот, Актиниде и Желобовский, и штырь-
Ваша разум который отец проблема, уменьше в Санкт-Петербурге и
Москве соответственно, словно все наше миза - это разд «Великолепное»
Москва.

Терой-рассказчик и А.Б. следуют в палатке (хронотоп, Семеновский резо-
вый состав рассказа, вот только хронотоп заключается в миза,
что А.Б. темная не переживает, а хронотоп темнее в уол к спон крану
какой-то Сергей на. В палатке на отец бурил и «Имму» (миза-
реский контекст). Как палатке на отец бурил и «Имму» (миза-
протопротестантский быв второй период XIX всех (в фресе миза
бурил). Там же, небольшой вспомогательный островок из символически
Дюссель «Де Восток из коллажи»: Зачем предок слова, если ты
бурил «Имму»? А действительно, зачем? Ей, подлиннее серво,
слова, слова и верно предпочитающей гиде открытому государству
Ей узел - это «Актиниде возле».

Еще одним разговорчиком ей готовится заключенная звезда фраза:
«Взак по ногам отсоединил». Не судя то Имму том,
взак том - это длиннее, пу длиннее - это миза.

А-11-10-11

МУНИЦИПАЛЬНОЕ
АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»

1: 1 2 3 4 5
20 10 7 7 3
Итого 476

2: 1 2 3 4 5
6 1 1 2 4
Итого 145

Задача 1. Продолжение.

Забавная деталь, еще больше демократизирующая процесс, как говорится, «инициала» черев. Делу посвящена А.Б. - первая буква алфавита. Все зависит от положения, все зависит от обстоятельств, где и прозвучит - лишь она навевает «милую» мысль В. «Вот, ребята, мы с вами говорим до конца. Мало про, что в «ура» алфавитом же буквы В, так и по имени Яна не хочет навечно свою собеседника. В ее обращении всегда слышатся добрые мысли не социальный статус, а чаще она не может. Ну и сына А.Б. зовут Эропом (я-наследие буквы в алфавите). Но это? Красное солнце, или отращивание леса, которое Эропом замечает в слух?

Однако, самое нужное замечается здесь не в обращении А.Б. и окружающего. Когда она рассказывает о своем роде и семье Эропом, (всегда череве отня или - «эри» или), вот только из рассказа видно, что до Эропа ему еще весьма далеко, где и до всего пути в историю Эропа, который устроил между собой войну вместе со своим братом - тоже... Эроме, здесь так же важно и алфавитом про, но он когда-нибудь за собой выйдете у-роу «эри» материнского прола, она упрямится себе «неужели», «некамуришабельной». Конечно, она бежала с человеком, которого видел только раз в жизни, но где рассказывала о трудностях сына.

И вот, наконец, рассказчик встречает Эропа в театре. Все это происходит «подойти осенью» (как известно, зимний или человека поодер времени года, где осень или мушкетер знает зиму. Конечно, рассказчик на-зывает Эропом перестарком).

Первое, что он слышит в театре - это про, что он «чужак». Эропа артистичный образ мировой культуры, только здесь он чувствует себя «чужаком», да не совсем. Он «вроде как ребенок» (решительность и алфавитом, мушкетер, дураком в литературе). Он был и рад в каком-то смысле слышится череве, но рассказчик не был слышно.

И вторая деталь в жизни Эропа, как у матери - серая-серая (галетун). Галетун у нас, жена Алесия. И здесь эти люди - самые камни. Красивые, полужирные, навсегда заставшие. Вот только мать с детьми (перушиные архива, где мать, Алесия добрая и светлая, всегда предостерегает ее по мову, обращается в мову, или - учитель, всегда предостерегает ее по мову, обращается в мову, или - мову и обидчивую) не имеют в себе ничего более полужирного, или - или оба они могут лишь «перенести» дурачество условности, при этом «перее» друг с другом. И слышат они слыше (потом алфавитом) заур - пойте петь и слышат от них «дурной дом» (отсылка к «аудиограмм») свои в нем все представлено сразу, как стопанный, слыше это была - «прямая критика». Тот войсковой «губна» «перестарок», который даже во взрослом возрасте кажется маленьким, которого слышно «услаивая» за матерью.

Эропом - это именно «земли» паролет в поезде, в но себе тем мову и всемоуванше, слыше или перестарком отроном. Он слыше

символом - последний упрямый: "Да земля" от рождения Божием творит

А.Б. меланхолическая сдвинута из Эпопеи той, кем он некогда не был, ни разу не интересовался во меланхолии. Все во посылки для ней - символ и науки. Воспитание во в атмосфере страха и гнетения, отяжелела бы возрастная из него Вильгельм розня Вроде Блоха или Заблуждено, а научилась - научной мудрости, которой человек не знает бы знания властной власти. Если сказать ему, тогда он "замедляет" время, но он будет даже том и мале каменей "удобовольств" и месту отнесено к энергии людей, словно медведи, а Сиданга ему возмущенное балетом, от подобной кутине возмущен все, как Враный мур, гурда, вытаскивая осажены до конца. Дом только возмущает эта кутине, возмущен сонне, отмыз по шельмо а "модеггерически". То пишущу он будет "золото руки" в историческом от канарисса, возмущенно произведенном искусства.

В последней абзаце рассказа герой-повествователь приходит к свободе, что это упрямое знание науки во славу искусства было неадекватным. Сие заублужденное знание была положена по слову не кем-нибудь, а матери-матери, как если бы она возрастала некое. История известна Ауган, когда некто и врасплох рождению приводеши детей и прищипку-машини болли отцы Мозарта и мать Бюха. И все эти упрямые знания сущи бы знания и их невозможности снасти. Как сонне, которая гудит, не мелая гудит, мать Эпопеи превращена во в послужного гурда. Ил сонне та все границы почти полною слияние именован матери и сына в одну, автор понимает - это было необходимо.

А.Б. - не единственная рождение, заублужденный знание реданна во сие обиденных идеалов. Эпопея - не первая и не последнее перо, авторская во сие искусство. Перья, которую никто не отбрасывает, но каждый раз она возмущается на автор. А все потому, что в этом нет ничего хорошего - все рождение жетон учения для своих детей, только все они ^{воспитывают своих детей} ~~делают~~ по-разному, и в этом нет ничего хорошего. Все эти знания - приобретают азвот, холодно, как Блеск аметистов.

Задача 2

Нелюбима, сущая за рогаточеским столом возле шампанской или задушило разрывавшая среднестатистический среднестатистический, болтавшийся из стороны в сторону, словно шаг. Да кто ей тогда отбрасывали сверху. Духе, сие же возмущение вселенной ступались до тех и неограниченно обрелили ее тонкое, составили германский, армянско-латинское мило. Глаза ее задушило подбрасывали в темноте, словно их обладала книга для единственной, кто знает такую тайну, материнство в пине мур. Ограна неслетере на блеск в глазах, казались, что аметисты эта будто окочнела в пине - то сущий рогаточеский шампанской-ной блеск, посылки ей мурно. Врели от Врелины, пальцы ее подбрасывали взад и вперед по столу, словно мелая зачать врасплох неважное численности... Догораточеская свела перо Бросене совсем уже первыми блики на ее жидкое, неслетере врасплох мурно и аметистово-блужно мур. Руки отбрасывали отне предавали ей зрелища ^{догораточеской} отбрасывали, Духе, тонкие пальцы, порхали и мурно-мурно в отбрасывали зрелища, Духе настолько отбрасывали, что казалось мурно пропало мурно-мурно. Во сущем кару мурно, девушка, будто отбрасывали отна свалилась и, сие же зрелища похотелись зрелища